

Письма Олега Куваева

ПИСАТЕЛЮ Олегу Куваеву 12 августа 1978 года исполнилось бы сорок четыре, если бы не внезапная смерть его в апреле 1975 года.

Судьба писателя, его жизнь — прежде всего в книгах. Но немало о человеке говорят и его письма. С некоторыми из них хочется познакомить сегодня читателей «Литературной России». Это письма к одному из первооткрывателей минералогических богатств Чукотки члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР, доктору геолого-минералогических наук Г. Б. Жилинскому и к главному редактору Магаданского книжного издательства в прошлом, ныне секретарю организации Союза журналистов города Калининграда Московской области А. Н. Стебаковой.

Несколько лет назад, уже после выхода в свет романа «Территория», Олег Куваев попросили выступить по Магаданскому радио. Сохранилась запись этого выступления.

«Мне кажется, что мужчина, которому за тридцать, частенько задает себе вопрос: «А что было бы, если бы все сначала?». Мне на этот вопрос легко отвечать: если бы все было сначала, то, разумеется, был бы геологоразведочный институт в Чукотке. Эти два понятия — вуз и местность — помогли мне сформироваться.

Лет с пятнадцати я не мыслил себя вне геологии. Лет семь назад я и представить себе не мог, что стану профессиональным литератором. Но так получилось. И, видимо, жалеть об этом не стоит... в любой работе надо следовать призванию...

В самом начале, если можно так говорить, «литературной карьеры» я много писал для журнала «Вокруг света», для его приложения «Искатель», и очень часто там печатался. Это было время, когда надо было выложить комплекс географических, что ли, эмоций, в основном связанных с Чукоткой».

Еще более конкретно рассказывает о своей биографии О. Куваев в одном из писем к Г. Б. Жилинскому:

«Я окончил Московский геологоразведочный институт и на Чукотке начал работать с 1957 года. Первая моя партия как раз была в Ичуземе. Три года работал в Певеке, затем начальником группы партий в Северо-Восточном геологоразведочном управлении, затем в Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте у Н. А. Шило. Все эти девять лет я занимался только Чукоткой, островом Врангеля и гравиметрической съемкой по льду Восточно-Сибирского и Чукотского морей («ловил» платформу Берингии, я геофизик). В конечном счете пришлось выбирать между профессией геофизика и литератора, и победила последняя. Несколько лет уже как я профессиональный литератор, член Союза писателей и т. д.»

Много и упорно (десять лет) работал Олег Куваев в геологии, столько же отдал он литературе. Вот как он говорил о своем отношении к труду, выступая на Магаданском радио:

«Я уверен, что профессия литератора — это профессия, которую не бросают, а если ее бросают, то неопровержимо ясно, что этот человек очутился в литературе случайно, либо по ошибке, либо руководствуясь не теми соображениями...

Литература как профессия имеет множество граней, и чрезвычайно важно найти именно свою, точную грань.

Очень хороший писатель и, главное, очень мудрый человек М. М. Пришвин однажды сказал, что в основе творчества лежит поведение писателя.

Я убежден, что для прозаика, для литератора стиль жизни не менее важен, чем талант...

Ну а если уж произносить слово «талант», то это не билет, который выдан на всю жизнь. Его чрезвычайно легко потерять, он нуждается в постоянной чистке и шлифовке. По этому поводу очень известный писатель, я не буду его называть, его фотографии и так висят почти в каждом доме, — он сказал, что писатель, который пишет хуже, чем может, губит себя. Это не только в литературе, это во всем, но особенно в литературе. Очень трудно удержаться от соблазна дешавки, когда тебя уговаривают. Но удерживаться все-таки необходимо. Все-таки литература имеет свои законы, непреложные, как законы математики. Все-таки литература, как медицина, — это профессия, требующая выучки. Недаром из врачей выходили настоящие, хорошие писатели: Чехов, Вересаев и другие. И как в медицине настоящий врач учится до конца своих дней, точно так же литератор продолжает свою выучку до гробовой доски. Не так давно я с почтительным удивлением прочел, что Ремарк, такой признанный, блестящий мастер, свой последний роман переписывал шесть раз. Он так и умер, переписывая его. Вот о таких фактах стоит задуматься начинающим литераторам. И особенно тем — а такие встречаются сплошь и рядом, — которые с восторгом в глазах сообщают, что за ночь сделали рассказ, что вот было такое сплошное вдохновение. А рассказ почему-то не берут. Я все-таки утверждаю, я убежден в том, что литератор, который не способен свой рассказ или любое произведение переписать, может быть, десятки раз, — он никогда литератором не станет.

Мне кажется, что литератор, пока он молод и не таскает валлол в кармане, не хватается за сердце, должен жить очень активно. Во всяком случае, должен много ездить, видеть, пробовать и должен уметь рисковать. Уметь рисковать не так, как говорят, «дурью маяться», а уметь рисковать по-настоящему, потому что, мне кажется, опасность, риск — они обостряют восприятие. А обостренное восприятие — это необходимое качество всякого литератора.

Я очень давно заметил, что люди рискованных профессий, люди, которые по профессии своей встречаются с настоящей опасностью, — они всегда бывают добры, открыты и как-то человечны. И вот когда я оставил геологию и в связи с этим расстался с целым миром, то образовался вакуум. Но этот вакуум заполнился тем, что я очень много времени провожу среди профессиональных горнолыжников, альпинистов и различного рода бродяг, в хорошем смысле этого слова. И в исполнении этого завета я много езжу в настоящее время. Это Узбекистан, плато Устюрт, шляется я по Аральскому морю, за браконьерами гонялся на Азовском, был в Приэльбрусье, в Белоруссии. И сейчас, когда идет вот эта передача, я буду на Памире. Но, конечно, главное — это Чукотка. Если в какой-то год я на Чукотке не бываю, а летаю я туда почти каждый год, то позднее, всю зиму, весь остаток года бывает как-то неуютно жить. Чего-то не хватает. Чукотка — это как... первая любовь.

Конечно, образ жизни, стиль жизни каждый выбирает себе сам. И если ты даже никуда не едешь, живешь оседло, на одном месте, то все-таки для каждого человека, мне кажется,

след в жизни

есть одно незыблемое правило, которое не должно меняться с годами: кем бы ты ни был, кем бы ты ни занимался, допустим, шофер ты, шурфовщик или литератор, в своей профессии все-таки необходимо стремиться к высокому уровню настоящего профессионализма.

Когда-то в Магадане, в дальние годы, годы эти сейчас кажутся совершенно безоблачными, мы очень любили песню:

Спокойно, дружище,

У нас еще все впереди...

Сейчас эта песня вышла на пластинках. Тогда ее знали немногие, и она была для нас чем-то вроде гимна. Ну, если не все впереди, то, во всяком случае, впереди — неизвестные местности, неизвестные книги, которые

Олег КУВАЕВ.

ты надеешься написать... А если ты веришь в то, что сумеешь передать мысли, эмоции читателю, что рано или поздно ты сумеешь передать это по-настоящему, то тогда можно считать себя, попросту говоря, счастливым человеком.

Спокойно, дружище,

У нас еще все впереди...

Вот сейчас я говорю, вспоминаю эти слова и с интересом думаю: до какого возраста будет продолжаться эта уверенность, что впереди еще достаточно много?

Куваев очень редко делился «своими творческими планами», но иногда, в беседах с друзьями или в письмах, он говорил о тех произведениях, которые он задумал, к работе над которыми приступил. Эти скупые строки из писем дают представление прежде всего о его неудовлетворенности собой, о постоянном стремлении к совершенствованию.

В конце шестидесятых годов у него возник замысел романа «Территория». Начав работу в архивах, разыскивая первоисточники Колымы и Чукотки, он познакомился с одним из них — геологом Г. Б. Жилинским. Между ними завязалась активная переписка, перешедшая потом в дружбу. Как создавался первый роман писателя, видно из писем к Г. Б. Жилинскому:

Февраль 1971 г.

«Многоуважаемый Герман Борисович!

Прежде всего, спасибо Вам за письмо и за присланные мате-

риалы по истории открытия чукотского золота. Как говорили в старину, «нельзя не узреть в сам божьего промысла». Я ведь собирался к Вам ехать где-то в конце этого года, ибо получить у Вас консультацию по первым шагам этого открытия мне просто необходимо.

...Темой этой я заинтересовался давно. У каждого литератора есть своя главная цель. Моей целью довольно давно уже было рассказать о ребятах редкой формации — геологах Чукотки «старых» времен. Почти каждое лето я летаю в Певек или вообще на Чукотку, хотя, в общем, за девять лет изложил ее вдоль и поперек и проплыл на байдаре от Певека до Лаврентия вдоль всего побережья. Но суть не в этом.

Начав раскапывать «предысторию», я наткнулся на Вашу фамилию. До тех пор мне была известна лишь официальная версия. Китаев — Чемоданов и... остальное происходило на моих глазах. К сожалению, когда я копал певекский архив, там уже не было Н. И. Чемоданова, не было и Стружкова, то есть людей, с которыми я работал. Так и возникла идея съездить к Вам в Алма-Ату. Но Ваше письмо пришло раньше. Так что, Герман Борисович, все стоит на своих местах. Теперь кратко о замысле.

...Это должен быть роман о подвижниках геологии. То есть произведение сугубо **литературное**, но основанное на четкой документальной основе...

...Так как законы литературного жанра так же незыблемы, как законы науки, то вся история открытия должна быть как история столкновения характеров, обстоятельств и т. д. Но опять-таки первая моя профессия требует, чтобы тут как можно меньше было, или вообще не было, натяжек. Книгу-то будут прежде всего читать геологи...»

Май 1971 г.

«Очень рад, что Вы правильно и точно меня приняли. Меня прежде всего интересует **объективная** история открытия чукотского золота...

...Это не исторический труд — это роман. Главным в нем, конечно, являются морально-философские категории, которые автор пытается решить. В качестве «реактива» я выбрал историю чукотского золота, как реактив для проявления характеров и эпохи. Ну, а будучи геологом, все-таки десять почти лет там проработавшим и имеющим там много друзей, — я обязан ее написать честно.

Вы любезно обещали мне помочь также чисто житейским материалом. Ароматом эпохи, что ли... Это чертовски важно...

Еще раз искренне. Вас благодарю за помощь. Все-таки это праведное дело»

14 августа 1971 г.

«...Завтра лечу в Магадан примерно на месяц. Герман Борисович, невольно мне Вас просить, Вы и так уже много дали мне материала, но я хочу полностью использовать эту поездку в Магадан. В связи с этим я был бы благодарен, если бы Вы, сугубо по личному выбору (это важно), посоветовали, какие отчеты мне стоит прочесть. Примерно три.

Работу над романом я начал. Сейчас... им и занимаюсь...

Где-то в начале будущего года я рассчитываю представить на Ваш суд первый вариант. Надо, чтобы это была честная работа».

Январь 1974 г.

«Я долго не писал Вам, потому что в телефонном разговоре Вы предупредили меня о смене адреса и переезде в Москву.

Меж тем дело с романом не стояло на месте. Журнальный вариант его выходит в журнале «Наш современник» в номерах 4—5 за 1974 год.

Книжный вариант будет выходить в первой четверти 75-го года. Рукопись лежит в издательстве, но я к ней еще вернусь для доработки. Журнальный и книжный варианты весьма будут отличаться. В конкретностях — в книжном варианте будет горный инженер Катинский, прообразом его является Вы. Разумеется, в той степени, в какой может быть прообраз в художественной литературе. И учитывая то, что я знаю Вас лишь по письмам и некоторым воспоминаниям чукотских друзей. Вообще же все мною отнесено в абстрактные северные координаты. Роман все-таки получился сугубо художественным произведением, для которого реальные события послужили лишь мотивом.

Как пример решения темы я пришло Вам журнальный вариант. Но так как все-таки главный вариант — это вариант в книге, я очень хотел бы, чтобы Вы прочли рукопись со всеми Вашими (допустимо вполне резкими) замечаниями. Так как, отступая и имея право на отход от реальной житейской правды, я не имею права на отход от правды художественной. Тем более, что присланные Вами статьи и материалы в роман не вошли, но прямо ведут к его «морскому» продолжению. Об этом мне писали Вы, об этом мне писали и пишут друзья из Певека и так далее. Буду ли я писать продолжение — не знаю. Но я оборвал его «около моря...»

Март 1974 г.

«Еще до чтения хотелось бы, чтобы Вы имели определенный подход к рукописи.

1. Прошу рассматривать ее не как «доподлинную историю чукотского золота», а как сугубо художественное произведение, темой для которого послужило чукотское золото.

2. Таким образом, Вы выступаете как строгий читатель, знающий тему лучше самого автора.

3. Самолюбие мое прошу не щадить. Мое самолюбие заключается не в том, чтобы избегать критики, а в том, чтобы публиковать полноценные вещи. Любая критика, тем более Ваша, здесь только в помощь.

4. Фигура инженера Катинского — это в какой-то степени Вы. Тут Вам карты в руки. Образ этот не развит. А хотелось бы. Я мог бы выслать Вам гранки журнального варианта, вот они на столе, но там Катинского вообще почти нет. У журнального варианта свои законы.

5. Как Вы увидите, я оборвал историю на берегу моря, на грани морских россыпей. В зависимости от прессы, по выходу роман может иметь продолжение.

6. Замечания Вы можете писать на полях, на обороте (карандашом) или на отдельном листочке. Работа Ваша не будет вступать, так как этот вариант рукописи я буду переписывать весьма основательно...

Я считаю, что вся эта история нуждается еще в крепкой доработке. Вы — первый читатель «не по долгу службы»... С нетерпением жду критику».

16 мая 1974 г.

«Уважаемый Герман Борисович!

Спасибо Вам за теплое и хорошее письмо. Оно как-то настолько меня взволновало, что вот прямо после прочтения и стучу ответ. Извинения в письме ни к чему. Во-первых, я профессионал, а значит, критическое, но искреннее мнение о моей работе гораздо дороже неискренних похвал. Во-вторых, во время нашей встречи мы были в неравном положении, и выигрышная позиция, уж простите, была у меня. Заключалась она в том, что мне требовалось знать, кто Вы, узнать Вас как личность (для этого в каче-

стве теста годилась и рукопись романа). Я очень внимательно слушал и наблюдал. Но наибольший выигрыш получил, когда мы заговорили об Алазее. Когда человек Вашего положения готов ехать в качестве простого начальника партии или даже геолога, — это дорого стоит.

О Катинском. Сейчас что-либо исправить в журнальном варианте уже невозможно. Но когда Вы прочтете пятый номер, Вы увидите, что Катинскому в о з д а н о еще до послесловия. Что его роль, незаметная снаружи, оказалась гораздо большей, чем мог ожидать Чинков. Воздано и Монголову за ограниченность его. Сейчас я работаю над книжным вариантом романа и как раз вчера кончил расставлять акценты на Катинском и Монголове. Акценты эти появились как результат нашей беседы.

Номер четвертый журнала для Вас уже давно отложен. Я жду пятого номера, чтобы выслать Вам роман целиком. Вы будете первым, кому я его pošлю...

«Я знала Олега Кузаева совсем немного, — вспоминает Л. Н. Стебакова, в прошлом главный редактор Магаданского книжного издательства. — Но, пожалуй, это был наиболее значительный период его жизни, период расцвета его творчества. С первой же встречи летом 1970 года в Магадане у нас установились добрые отношения и полное взаимопонимание. Казалось, мы давно и хорошо знаем друг друга. В том памятном году, когда Кузаев прилетел в Магадан, здесь в книжном издательстве выходила в свет третья по счету его книга «Птица капитана Росса». Но Олег с присущей ему требовательностью к себе, к каждой фразе своего произведения вычитывал и правил корректуру будущей книги. Именно эта ответственность перед читателем, эта тщательная работа над языком и стилем меня как редактора очень расположила тогда к писателю.

Эта самокритичность и строгость к себе особенно проявились в процессе работы над последним его произведением — романом «Территория». Вот выдержки из писем О. Кузаева к Л. Н. Стебаковой.

«Роман печатается в журнале «Наш современник», № 4, в нем 12 листов. Называется он «Территория»... Романом в журнале довольны, предсказывают ему будущее. Но это время покажет, а покажет оно то, что шум о романе будет, но недолгий. Все-таки он незрел. Первый роман и есть первый. Всякий стоящий литератор это увидит».

7 мая 1974 г.

«В промежутках между горными лыжами пишу. Вот переписал наконец-то роман и раскидал его по редакциям. Публикация в альманахе — хорошо, плохо то, что я не успел как следует довести ее до ума, хотя кое-что по сравнению с первоначальным вариантом и сделал. Сейчас роман приобрел более или менее законченный облик, и, надеюсь, после еще одной доработки он уже совсем приобретет приличный вид, если, конечно, вместе с пеной я младенца не выплесну».

12 ноября 1974 г.

«Новый роман движется с трудом. Но движется. И надо бы мне быть в Магадане. Не в нем самом, а подальше — среди простого люда. Так нынче и было запланировано, да уехал я в Вятку. Давно болела душа поставить памятник матери. Поставил. А вообще же одна главная боль и мука — так организовать свою жизнь, чтобы шесть часов за машинкой и — отвали все прочее. Но много соблазнов в жизни, много каких-то отвлекающих моментов. А время идет... впереди не так уж и много времени. Вот таковы печальные мысли».

14 июня 1974 г.

«...Сценарий по роману идет очень туго — надоели мне эти фамилии и этот текст — я ведь шесть раз его переписывал. Последний раз переписывал уже «в знаменитостях» для книжного варианта. Еще бы пять раз переписать, получился бы неплохой роман. Но в наш торопливый век...»

31 мая 1974 г.

«...Ну, а насчет отношения к

своим вещам, так как же иначе может быть? Во-первых, я все-таки собираюсь годам к пятидесяти стать неплохим прозаиком. Раньше я в это очень верил, сейчас после семи лет жизни профессионала почти не верю. Я искренен, иначе не имеет смысла все это писать... Сядешь, прочитаешь того же Фицджеральда, и что тебе остается, кроме того, как горько ухмыльнуться и дней пять не подходить к машинке? А эта местечковая самовлюбленность — так это для мальчиков из литобъединения при районной газете. Несерьезно это.

У меня был веселый шок. Закончил я гретий вариант своего романа — читаю, нравится. Дал полежать дней пять — читаю, нравится. Я чуть не обалдел. Все, думаю, крышка! Ну теперь, слава богу, не нравится. Сюжета нету, да и герой не тот, не развит. Ну и так далее. Про мелочи я уж не говорю.

С романом дела у меня пока не важны. Был он в журнале «Наш современник». Я не считаю его законченным, но сейчас он уже достаточно профессионален и может фигурировать по редакциям. Прочли. Одобрили в целом. Но дали прорву таких поправок, когда вместе с водой выплескивается ребенок. То есть я должен свести его до уровня любой из своих повестей. А мне ведь не сводить, мне вверх лезть надо. Не в ту сторону они меня тянут. Романист я, конечно, никакой. Первый опыт. Но ведь надо иметь и первый опыт. Сейчас переделываю то, чем недоволен сам. Лежит он в «Молодой гвардии». Ланщиков написал очень хорошую рецензию. Падерин сделал то же. А мне просто надо найти хозяина, который драл бы с меня семь шкур, но тянул на улучшение, а не на ухудшение романа.

...А местной прозы не существует. Есть просто проза. И всякого автора надо драть двадцать шкур — пусть пишет, переписывает и гонорар отработывает».

Ноябрь 1973 г.

«...Все вожусь с романом и никак все-таки не найду окончательного варианта. Переписал я его уже пять раз. И, видно, еще раз перепишу до марта. Был расплывчат. Стал техничен, но сух. Беда, беда... С другой стороны, за что же деньги-то платят? Работай, значит...

...Но ситуация такова, что я этот роман взялся переписывать, а, взявшись, обнаружил, что совсем не то написал. Написал я нечто вроде сценария для трехтомной эпопеи. А требуется по замыслу не очень длинный и нервный современный роман. Вот в этом аспекте я его и переделываю. И сейчас в середине перекапывания вижу, что после придется перепечатывать и еще раз по нему пройтись для придания лоска, — вот тогда уже будет кое-какой роман. В этих условиях трубить в трубу — не солидно. Каюсь, поспешил я с легкостью необыкновенной. Показалось, что все умею и все гладко. В издательстве я его уже передвинул на 75-й год. Надеюсь в 74-м дать в журнале. А к концу 73-го кончить его для себя».

...Кстати, почувствовал вкус к возне с романом, есть у меня такой свирепый замысел. Эдакой «валютной трилогии».

I. «Золото» (в работе). II. «Нефть». III. «Пушнина» (в замысле и кое-что уже есть)».

Сидя в комнате, где Олег Кузаев жил и работал, где все осталось так же, как было при нем, я смотрела на большой портрет его и думала — а многие бы смогли должным образом ответить на вопрос, которым заканчивается роман «Территория»:

«Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?..»

«Умей принудить нервы, сердце, тело тебе служить, когда в твоей груди уже все пусто, все сгорело — и только воля говорит: иди! Наполни смыслом каждое мгновение, часов и дней немолимых бег — тогда весь мир ты примешь как владенье, тогда, мой сын, ты будешь человеком!»

Эти стихи — над рабочим столом писателя.

Публикация
Аллы БЕРШАЧЕВСКОЙ